

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данного исследования является изучение менталитета нации через лингвокультурологический анализ растительных метафор во французском дискурсе. С помощью этого анализа мы раскрываем культурный фон, который стоит за единицей языка, основываясь на представлении окружающего мира растений в сознании носителей. Язык – неотъемлемая составляющая культуры, основной инструмент, с помощью которого мы усваиваем культуру и, поэтому, считаем необходимым обратиться к науке, которая изучает проявления и фиксацию культуры в языке и дискурсе – к лингвокультурологии.

Язык не существует отдельно от культуры, поэтому лингвист О.А. Дормидонтова, соглашаясь с мнением С.Г. Тер-Минасовой, считает целесообразным рассматривать язык как орудие культуры, поскольку менталитет и мировосприятие, которые заложены в нем, определенным образом «навязываются» носителю языка и тем самым формируют личность – представителя национальной культуры. Она также говорит о культурологической маркированности языка и отдельных его элементов [1, с. 201 – 205].

Особенное место в вербализации представлений о мире занимают фитонимы, так как растения выполняют практическую, эстетическую и лечебную функции в жизни людей, и большая часть растений приобретает символическое значение и отражает духовную жизнь социума. Существуют различные способы и подходы к изучению языка и связи между его элементами, и мы остановимся на анализе растительных метафор, которые отображают картину мира его носителей и, следовательно, их культуру.

Согласно теории Лакоффа, люди создают метафоры для того, чтобы более точно реализовать абстрактное понятие в своем сознании [2]. В.А. Маслова приходит к выводу, что метафоры представляют собой универсальные знания, которые, как и фразеологизмы, содержат зашифрованную информацию и представляют собой компоненты культурных знаков [3, с. 88–95]. В нашей работе мы останавливаемся на анализе метафор, которые описывают деревья – основных представителей флоры, показывающих отношение носителей языка к окружающему миру и представляющих собой одну из концептосфер мировосприятия людей.

Деревья описываются как жители города. Рябина «живет» в студенческом городке, а катальпа «прячет» в своей тени киоски по продаже журналов и газет (*il ombrage le kiosque*), «обрамляет» павильоны (*il ourle les pavillons du*

marché) и «заколдовывает» небольшую площадь (*il enchante le petit square*). Именно поэтому дети играют на лоне природы, а девушки плетут браслеты и бусы с гроздей рябины (*les filles enroulent les grappes écartantes en bracelets autour des poignets, en colier autour du cou*). Эти метафоры подчеркивают идею единения урбанистического мира с безграничным царством растений (*règne immense des arbres*). Парк, в котором растет магнолия, сравнивается с городским раем (*Un Eden municipal opère le miracle d'une résurrection*) [4].

По семантико-ассоциативному принципу мы выделяем две группы метафор: уподобление и возвеличивание. Этот тип распределения метафор отображает особенности взаимодействия человека и природы. К первому типу – уподобление – мы относим метафоры, в которых люди сравнивают себя с растениями и наделяют их человеческими чертами. Например, бук имеет повадки хозяина (*une allure de maître*). При описании деревьев используются следующие глаголы, которые присущи описанию деятельности человека: жить *demeurer* (*au chaud des forêts*), приходиться *venir* (*venu des Andes du Chili*), стареть *veiller* (*au flanc des stèles noircies de pluie*), завоевывать *conquérir*, колонизировать *coloniser* (*l'Europe*), предлагать *offrir* (*le déjeuner*), прогуливаться *promener son élégance méridionale*.

Также в процессе исследования были выделены метафоры, в которых деревья и их части сравниваются с бытовыми предметами. Существует гипотеза, что такие сравнения помогали людям привыкнуть к новым деревьям. Так, ветки кедра сравнивают с крыльями (*les très longues branches vibrent comme les ailes*), а его острые иголки со слезами (*les aiguilles de cèdre ce sont des larmes vertes et démesurées*). Листья эвкалипта – с выгнутым лезвием косы (*sa feuille nette et lisse comme lame incurvée d'une faux*). Эвкалипт не просто растет, он с белым воротником до середины ствола забальзамировал некий средиземноморский шик (*En col blanc jusqu'à mi-tronc il embaume un certain chic méditerranéen*). Листья березы сравнивают с платьем: *le vent soulève la robe du bouleau*. Описывая магнолию, автор говорит, что ее цветы пахнут свежестью с летучим оттенком свежевыглаженного белья *ont la fraîcheur en peu verte et volatile du linge fraîchement repassé*.

Не менее важной является группа метафор, в которой деревья, благодаря своим размерам и могуществу, возвеличиваются и сравниваются с божествами и высшими силами. В данном случае люди чувствуют себя слабее, чем силы природы.

Например, рябину называют сыном света (*fil de Lumière*), камелию – ночным небесным светилом (*il s'ouvre largement, comme un astre régulier dans une nuit de feuillage verni*), а кедр сравнивают с опорой небес, воспетую Библией (*La Bible le chante comme un pilier du ciel*). В этих сравнениях кроме уважения чувствуется страх перед гигантским кедром или перед камелией, которая с давних пор была символом богини солнца, а потом символом христианской веры. Голос кедра (шум его ветвей) называют гимном Создания мира (*la voix de cèdre c'est l'hymne à la gloire de la Création*). Виноград называют божественным транспортом на пути к опьянению *un*

divin véhicule, en route vers l'ivresse céleste, а ветви пальмового дерева – следами Иисуса Христа на пути в Иерусалим *les pas de Christ à Jerusalem*. Описывая величественный кедр, автор говорит, что взгляд поднимается к его вершине и теряется в облаках *l'oeil s'élève et se perd à la cime des nuages*.

В некоторых описаниях дается прямая ссылка на Библию, например, при описании плакучей ивы – Библия рассказывает, что плакучая ива даст приют всем страждущим людям Израиля (*La Bible raconte que le saule pleureur abrita toutes les larmes des peuples d'Israel*).

Описывая грушу, авторы говорят, что она не претендует на славу яблони, несмотря на то, что она покоится на страницах Библии *est couché entre les pages de la Bible*. Оливковое дерево, в свою очередь, называют библейским деревом возрождения надежды (*arbre biblique de renouveau d'une chance d'espoir*).

В других описаниях мы наблюдаем упоминание о райском саде Эдеме, где живет фиговое дерево, виноград, пальма, оливковое дерево и яблоня.

По семантико-символическому принципу мы выделили следующие группы деревьев-символов:

Деревья – символы мужественности и силы. Например, дуб заставляет дрожать посетителей парка (*fait frémir le visiteur*), где он накрывает вход тенью своей гигантской кроны (*son ombre gigantesque*). Вяз называют храбрым смельчаком (*ce brave gaillard*), а липу – опекуном (*qui dispense sa présence tutélaire*). В этой группе отметим рябину – мудрого старца столицы, который спокойно дремлет (*Robinier sommeille le plus grand vieillard végétal de la capitale, le plus sage et plus vénérable*) и фиговое дерево – символ мудрости (*la sagesse*).

Деревья – символы грусти и страданий. Эти деревья растут в основном на кладбищах и многие из них символизируют грусть и долговечность, печаль и возрождение жизни, связь с умершими. Так, бук погружает свои корни глубоко в землю, чтобы обвить могилы (*hêtre plonge religieusement ses racines dans la terre pour enlacer les tombes*). По причине долголетия плющ стал символом вечной жизни, поэтому его ветви навсегда обнимают вершины могил (*il étreint pour toujours la couronne des tombes*). В городском Эдеме есть чудо воскрешения – магнолия (*magnolia – miracle de résurrection*).

Деревья – символы скромной красоты. К группе скромных жителей Парижа мы относим апельсиновое дерево с его скромной элегантностью *élégance discrète, modeste*, клен и катальпу – одни из самых скромных деревьев (*plus modestes*). Также упомянем березу с ее шармом (*le charme un peu grêle*) и магнолию с чистой душой (*a une âme pure*). Лепестки цветущих деревьев сравниваются с шелком, а запах – с бледным, едва заметным дыханием (*l'haleine pâle de cette fleur*). Есть ряд деревьев, которые стали символом шарма. Это камелия – атрибут моды (*attribut de mode*), которая представляет собой безграничную элегантность и аутентичный парижский шарм (*symbolise élégance éternelle, excellence modeste et beauté parfaite, elle est une grande demoiselle de l'élégance*).

Эвкалипт и фиговое дерево завораживают Средиземноморским шармом (*embaume un certain chic méditerranéen / il promène sur le trottoir son élégance méridionale*), а павлония чарует своим небесным цветом (*charme de couleur céleste*). Драгоценное платье бука из красного шелка (*la robe précieuse de leur soie pourpre*) также подчеркивает богатство и красоту растения.

Несмотря на большое разнообразие метафор, все они переполнены любовью, уважением и восхищением. Плоды вишни сравнивают с солнечным завтраком, который подарило весеннее цветение. И, наверняка, не один человек останавливается, чтобы полюбоваться лепестками вишни, которые опали розовым ковром, мягко касающимся наших, иногда серых и тусклых, душ (*les voilà effeuillés en tapis rose immatériel et doux à nos âme grises*).

Проанализировав метафоры, мы пришли к выводу, что каждое растение вызывает у человека определенные ассоциации. В зависимости от степени распространенности на территории страны они могут иметь довольно широкий ассоциативный ряд. Деревья живут дольше людей, потому их считают символами вечности. Деревья, листья которых опадают осенью, «умирают», а весной снова «оживают» и становятся символами возрождения. Плодовые деревья соответственно символизируют жизнь, плодородие. Так, груша *poire*, яблоня *pomme* и оливковое дерево *olivier* – это символы добра. Бамбук и дуб *bambou et chêne* – символы силы и мужества. Клен *Peuplier*, кипарис *cyprés* и бук *hêtre* ассоциируются с трауром и печалью. Но большая часть деревьев – это символы красоты, элегантности и грации (например, камелия и береза), скромности (павлония, груша, роза, вишня).

Итак, данное исследование подтверждает идею о том, что культура и менталитет нации взаимосвязаны с языком, и это четко прослеживается в дискурсе, в частности в метафоризации растительного мира. Обратившись к названиям деревьев, можно выявить представления древнего человека о природе. Также стоит отметить тесную связь описаний деревьев с Библией, что подчеркивает высокий уровень развития духовной культуры французского народа, его веру в святое письмо и уважительное отношение нации к растительному миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дормидонтова, О. А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира в русской и французской лингвокультурах / О. А. Дормидонтова // Вестник ТГУ. – 2009. – № 9 (77). – С. 201–205.
2. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Jonson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – С. 88–95.
4. Godeau, J. *Sous les arbres à Paris* / J. Godeau, St. Hussonnois-Bouhayati. – Genève (Suisse) : Minerva, – 2006. – 143 p.